

407

Mira Vane

**СНЫ,
ставшие
реальностью**

18+

Mira Vane

Сны, ставшие реальностью

«Автор»

2026

Vane M.

Сны, ставшие реальностью / М. Vane — «Автор», 2026

Арина — талантливый аналитик, которую в офисе считали «серой мышью». Всё меняется, когда она раскрывает финансовые махинации в компании и становится мишенью для влиятельного и опасного человека. На помощь приходит её начальник Константин Львович — строгий, закрытый, но искренне готовый защитить. Их связь крепнет не только наяву, но и в странных, пугающе реальных эротических снах Арины.. Пройдя через страх, давление и интриги, Арина и Константин вырываются к морю — туда, где можно наконец просто быть рядом. Выходные у побережья становятся для них точкой опоры: здесь нет отчётов и подозрений, только шум волн, тёплый песок, реальная близость и тихое обещание: «Мы вернёмся». История о том, как правда и доверие стирают границы между сном и явью, а любовь оказывается сильнее любой интриги.

© Vane M., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Первый рабочий день	5
Глава 2. Первая ночь	6
Глава 3. Правила игры	7
Глава 4. Второй сон	8
Глава 5. Ближе, чем кажется	9
Глава 6. Третий сон	10
Глава 7. После сна	13
Глава 8. Четвёртый сон	14
Глава 9. После четвёртой ночи	16
Глава 10. Тонкая грань	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Mira Vane

Сны, ставшие реальностью

Глава 1. Первый рабочий день

Офис корпорации «Норд-Вест» встречал Арину холодом стекла и тихим гулом кондиционеров. Всё здесь было рассчитано на то, чтобы человек чувствовал себя винтиком: ровные ряды столов, одинаковые серые кресла, экраны, будто отрезающие людей друг от друга. Арина шла по коридору, сжимая папку с документами так, что побелели костяшки пальцев. Она знала: её взяли не за внешность и не за умение улыбаться. Её взяли за цифры, за точность, за способность видеть ошибку там, где остальные видели просто строчку в отчёте.

Она была именно такой, какой её описывали: тихая, почти незаметная, в тёмно-синем костюме, который казался чуть великоватым, будто она пряталась в нём, как в панцире. Светлые волосы собраны в тугий пучок, ни одной выбившейся пряди. Очки в тонкой оправе. В её облике не было ни капли дерзости — только собранность и готовность работать.

Кабинет начальника был в самом конце коридора — отдельный, изолированный, с матовым стеклом, на котором не было таблички с именем. Только номер: 407. И это уже говорило о многом.

Арина постучала.

— Войдите, — голос прозвучал ровно, без паузы, будто он ждал этого стука.

Когда она открыла дверь, первое, что бросилось в глаза, — свет. Он падал из высокого окна, рассекая кабинет на две половины: светлую и тёмную. На границе этих половин стоял он.

Константин Львович.

Он не был похож на типичного корпоративного босса. В нём не было показной мягкости, рассчитанной на то, чтобы казаться «своим». И не было нарочитой грубости, чтобы запугать. В нём была тяжесть — спокойная, уверенная, как у человека, который привык, что его слово — закон.

Ему было около сорока. Высокий, с широкими плечами, в идеально сидящем костюме — но без галстука, верхние пуговицы рубашки расстёгнуты ровно настолько, чтобы это выглядело не небрежностью, а осозанным выбором. Волосы тёмные, чуть длиннее, чем принято в офисе, будто он не хотел тратить время на идеальные укладки. Лицо — резкие черты, скулы, прямой нос, и эти глаза: серые, почти стальные, которые, казалось, считывали не слова, а мысли.

— Вы Арина? — спросил он, не подходя ближе. — Садитесь.

Она села. Руки легли на папку, как щит.

— Я читал ваше резюме, — продолжил он. — Вы не любите ошибаться. Это хорошо. В моей команде ошибки стоят дорого.

Арина кивнула, стараясь не смотреть ему прямо в глаза — но взгляд всё равно тянулся к нему, как к чему-то опасному и притягательному одновременно. От него веяло властью, и это пугало. Но ещё сильнее пугало то, как её тело реагировало на этот голос, на эту уверенность: сердце билось быстрее, ладони стали чуть влажными, а в груди появилось странное, колющее напряжение.

— У вас есть вопросы? — спросил он.

— Нет, — тихо ответила она. — Я готова работать.

Он чуть наклонил голову, будто оценивая её ответ.

— Хорошо. Тогда начнём с самого сложного.

И он протянул ей папку — толстую, с пометкой «Конфиденциально».

Глава 2. Первая ночь

Когда Арина вернулась домой, город уже погрузился в сумерки. Питер умел быть особенно холодным по вечерам: ветер с Невы пробирался под пальто, фонари отражались в мокром асфальте, и казалось, что весь мир состоит из серых оттенков.

Квартира встретила её тишиной. Маленькая, аккуратная, почти стерильная — как будто она боялась оставить в ней слишком много следов своего присутствия. Арина сняла пальто, поставила чайник, села на край дивана и только тогда поняла, что всё ещё дрожит.

Не от холода. От него.

Она закрыла глаза, пытаясь отогнать образ Константина Львовича, но он только стал чётче: его голос, его взгляд, то, как он стоял в полосе света, будто сам был источником этого света и тени одновременно.

Сон пришёл быстро, почти насильно, как будто её сознание больше не могло удерживать напряжение дня.

Ей снилось, что она снова в кабинете 407, но теперь там темно. Только узкая полоса света падает на стол, а он стоит у окна, спиной к ней, и говорит что-то — но слов не разобрать, только интонацию: строгую, требовательную, завораживающую.

— Подойдите ближе, — произносит он, не оборачиваясь.

Арина делает шаг. Потом ещё один. Пол будто пружинит под ногами, каждый шаг даётся с трудом, как во сне, где ты хочешь бежать, но не можешь.

Когда она оказывается рядом, он наконец поворачивается. Его лицо в полумраке кажется ещё более резким, почти хищным.

— Вы боитесь меня? — спрашивает он.

— Да, — шепчет она.

— Почему?

— Потому что вы всё видите.

Он улыбается — едва заметно, уголком губ.

— Я вижу не всё. Но я вижу, когда человек лжёт. Или когда он боится признаться в чём-то даже себе.

Арина хочет отступить, но ноги не слушаются.

— Скажите, — продолжает он, — что вас пугает больше: то, что я могу узнать ваши секреты... или то, что я уже их знаю?

Она просыпается резко, будто кто-то толкнул её в плечо. В комнате темно, только тусклый свет уличного фонаря пробивается сквозь занавески. Арина садится, прижимает ладони к лицу, пытаясь унять дрожь. Сердце колотится так, будто она только что убегала от чего-то.

Это был просто сон.

Но он ощущался как предупреждение.

Глава 3. Правила игры

На второй день Константин Львович был ещё строже, чем в первый. Он не повышал голоса, не кричал, не стучал кулаком по столу. Он просто смотрел — и этого было достаточно, чтобы у подчинённых холодели спины.

Арина старалась быть идеальной. Она проверяла каждую цифру дважды, каждый отчёт — трижды. Она не поднимала глаз, когда он проходил мимо, но чувствовала его присутствие, как электрический разряд в воздухе.

Однажды он остановился у её стола.

— Это ошибка, — сказал он, указывая на строчку в документе.

Арина посмотрела — и увидела. Крошечная неточность, которую она пропустила. Кровь прилила к щекам.

— Простите, — прошептала она. — Я сейчас исправлю.

— Исправите, — повторил он. — Но запомните: в моей работе нет мелочей. Каждая цифра — это чья-то судьба. Деньги, контракты, люди. Вы понимаете?

Она кивнула, не в силах поднять на него глаза.

— Посмотрите на меня, — неожиданно приказал он.

Она подняла взгляд. И тут же пожалела об этом. В его серых глазах не было злости — только холодная требовательность, которая проникала глубже любой грубости.

— Вы хороший специалист, Арина, — сказал он чуть тише. — Но вы прячетесь. Не за очками. Не за костюмом. За тишиной. А тишина в моём офисе — роскошь. Здесь нужно быть готовым к удару.

Он отошёл, оставив её одну с этим странным комплиментом, который звучал как упрёк.

Вечером, закрыв дверь квартиры, Арина снова почувствовала это напряжение — оно не ушло, а только накопилось за день. Она легла, надеясь, что сегодня сны будут обычными. Но, как только она закрыла глаза, темнота снова сомкнулась вокруг неё.

Глава 4. Второй сон

На этот раз она стояла не в кабинете, а в длинном коридоре офиса — пустом, бесконечном, с одинаковыми дверями по обе стороны. Свет был тусклым, мерцающим, как перед грозой. Где-то вдалеке слышались шаги — тяжёлые, уверенные. Они приближались.

Арина хотела убежать, но ноги словно приросли к полу. Дверь рядом с ней приоткрылась, и оттуда донёсся его голос:

— Вы думали, что сможете спрятаться?

Она обернулась — но никого не увидела. Голос шёл отовсюду.

— Здесь нет укромных мест, Арина. Ни в отчётах, ни в тишине, ни даже во сне.

Дверь распахнулась шире. Он стоял в проёме, в той же рубашке, с тем же холодным взглядом, но теперь в его позе было что-то другое — не угроза, а ожидание.

— Что вы боитесь потерять? — спросил он. — Работу? Репутацию? Или себя?

Она хотела ответить, но слова застряли в горле.

— Не бойтесь говорить, — добавил он мягче, но от этого стало только страшнее. — Бойтесь молчать.

Она проснулась в тот момент, когда он сделал шаг к ней. На этот раз она не просто дрожала — она задыхалась, будто бежала во сне и не могла остановиться.

В комнате было тихо. Только дождь стучал по окну, напоминая, что это был всего лишь сон.

Но Арина уже не была уверена, что «всего лишь» — подходящее слово.

Глава 5. Ближе, чем кажется

Прошла неделя. Арина вживалась в ритм «Норд-Веста», и каждая новая ночь приносила свои образы, которые днём она старательно загоняла в самый дальний угол сознания.

На работе Константин Львович держал дистанцию. Он не выделял её среди других, не давал поблажек и не делал исключений. Его требования были одинаково жёсткими ко всем, но Арине казалось, что именно к ней он присматривается пристальнее. Может быть, ей это только казалось. Может быть, нет.

В пятницу он вызвал её к себе.

— Ваш отчёт по проекту «Ладога», — сказал он, не поднимая глаз от монитора. — Вы провели анализ рисков. Хороший анализ. Но вы не учли один фактор.

— Какой? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Он наконец посмотрел на неё. Этот взгляд — серый, тяжёлый, как свинцовое небо над Невой — она бы узнала его с закрытыми глазами. Потому что именно этот взгляд приходил к ней ночами.

— Человеческий фактор, — ответил он. — Вы считаете вероятности, просчитываете сценарии, но забываете, что решения принимают люди. А люди ошибаются не потому, что не знают цифр, а потому, что боятся. Или потому, что хотят слишком сильно. Поймите мотивацию — и вы поймёте всё.

Арина записала. Кивнула. Вышла.

И только в лифте, когда двери закрылись и она осталась наедине с зеркальной стеной, позволила себе выдохнуть. В отражении на неё смотрела та же тихая девушка в очках и тёмном костюме. Но за стеклами очков горели глаза — не от страха, а от чего-то, чему она не могла подобрать название.

Глава 6. Третий сон

В эту ночь Питер шумел за окном: ветер гнал по дворам опавшие листья, дождь хлестал по карнизу, и где-то далеко выла сирена. Арина лежала, слушала этот шум и думала о его словах: «Поймите мотивацию — и вы поймёте всё».

Сон начался иначе, чем предыдущие. Не в офисе, не в коридоре, а в комнате, которой она никогда не видела. Высокие потолки, тёмные стены, узкое окно, за которым — ничего, только чернота. Мебели почти нет: только низкий диван, накрытый тёмной тканью, и торшер, бросающий на стены медовые тени.

Она сидела на диване, и ноги подгибались, будто от долгого бега. Воздух был тёплым, тяжёлым, пропитанным чем-то сладковатым — может быть, дымом, может быть, запахом кожи.

Дверь открылась без звука.

Он вошёл и стал у стены, скрестив руки на груди. Тот же костюм, та же рубашка с расстёгнутым воротом, но лицо было другим: без офисной холодности, без маски начальника. В его взгляде читалось любопытство — почти хищное, как будто он изучал её не как подчинённую, а как загадку, которую хотел разгадать.

— Вы снова здесь, — сказал он. Не вопрос. Констатация.

— Я не хочу быть здесь, — прошептала она.

— Тогда почему не уходите?

Она не ответила, потому что ответ был правдой, которую она не готова была произнести вслух.

Он сделал шаг. Потом ещё один. Опустился на диван рядом — не касаясь, но так близко, что она чувствовала тепло его тела. Этот запах — не дым, не кожа, а что-то чистое, острое, как зимний воздух — оказался рядом, и от него кружилась голова.

— Я скажу вам то, что вы не хотите слышать, — произнёс он, и голос стал ниже, интимнее, словно он говорил только для неё. — Вы прячетесь за числами и отчётами. Но когда закрываете глаза — вы здесь. Со мной. И вам нравится.

— Нет, — сказала она, но голос дрогнул.

— Ваш голос говорит «нет», — он наклонился ближе, и она почувствовала его дыхание на своей шее, тёплое и медленное, — а тело говорит совсем другое.

Его рука — тяжёлая, уверенная — легла ей на плечо. Не сжимая, не двигая, просто легла. И от этого прикосновения по телу прошла волна жара, от плеча до кончиков пальцев, от затылка до живота. Она замерла, боясь шевельнуться, потому что любое движение могло приблизить её к нему или оттолкнуть, и она не знала, чего хотела больше.

— Вы дрожите, — прошептал он, и его губы почти касались её уха. — Не от страха. От ожидания.

Она закрыла глаза. В темноте за веками его прикосновение стало единственным, что существовало. Его пальцы медленно скользнули по её плечу к шее, коснулись пульса — и он, кажется, почувствовал, как бешено колотится сердце.

— Вот ваша ошибка, — сказал он тихо. — Вы думаете, что контроль — это сила. Но настоящая сила в том, чтобы отпустить. Позволить себе хотеть.

Его губы коснулись её шеи — едва-едва, как дуновение. Она втянула воздух сквозь зубы. Мир сузился до этой точки, где его рот касался её кожи, и всё остальное исчезло.

Он целовал её шею медленно, как будто у него было всё время мира. Каждый прикосновение — губами, кончиком языка — было расчётливым и бережным одновременно, и от этого контраста она теряла дыхание. Его рука скользнула ниже, к вырезу её блузки, пальцы расстегнули верхнюю пуговицу, потом вторую, и она не остановила его, не отстранилась, потому что тело уже давно решило за неё.

— Скажите мне, — прошептал он, отстранившись ровно настолько, чтобы она увидела его глаза, — что вы хотите.

— Я хочу, — начала она, и голос сорвался.

— Что?

— Чтобы вы перестали спрашивать.

Он улыбнулся. Не усмехнулся, не осклабился — именно улыбнулся, и от этой улыбки у неё перехватило дыхание, потому что она впервые увидела в нём не начальника, не холодного требовательного незнакомца, а мужчину, который хотел её так же сильно, но умел это скрывать.

Он наклонился и поцеловал её. Не жадно, не грубо — медленно, как будто пробовал на вкус её нерешительность. Она ответила не сразу, но когда ответила, мир вокруг взорвался мягкой тишиной, в которой не было ни офиса, ни отчётов, ни страха, только его рот на её губах и его рука, обхватившая её талию, притянувшая ближе.

Ткань рубашки мешала. Его пальцы расстёгивали пуговицы на её блузке одну за другой, и каждый раз, когда он касался обнажённой кожи, она вздрагивала, как от электрического разряда. Он остановился, посмотрел на неё вопросительно, и она кивнула, не доверяя голосу.

Он снял с неё блузку. Потом его ладони легли на её бедра, тёплые и тяжёлые, и скользнули вверх, медленно, так медленно, что каждая секунда была мукой. Она выгнулась навстречу, и он наклонился, прижался губами к её ключице, к ложбинке между грудями, и его дыхание обжигало кожу.

— Вот так, — прошептал он. — Не прячьтесь.

Его руки были везде: на её спине, на её бедрах, на талии, обхватывая, приподнимая. Он был силен и уверен, но в каждом движении была забота, будто он боялся сломать что-то хрупкое. Она чувствовала его тело — плотное, горячее сквозь ткань рубашки — и хотела большего, хотела ощущать его кожу, а не хлопок, и потянула к вороту его рубашки.

Он позволил. Снял её одним движением, и она впервые увидела его без одежды: широкие плечи, рельеф груди, тёмные волосы, сужающиеся к животу. Он был красив той красотой, которая не бросается в глаза, а ощущается: весом, теплом, силой.

Он опустил её на диван, и ткань под спиной была прохладной, контрастирующей с жаром его рук. Он навис над ней, оперевшись на локти, и снова поцеловал — глубже, требовательнее, и она обхватила его за шею, притянула ближе, потому что между ними осталось слишком много пространства, и она больше не могла это выносить.

Его губы спустились ниже: шея, ключицы, грудь, живот, и каждый поцелуй оставлял на коже след, как тлеющий след спички. Она запустила пальцы в его волосы, тёмные, густые, и сжимала их, то отталкивая, то притягивая, не в силах решить, хочет ли остановиться или продолжаться вечно.

Когда его тело прижалось к её — полностью, тяжело, — она почувствовала, как он дрожит. Тоже. Он тоже дрожал, и это открытие поразило её больше всего: он не был таким холодным, каким казался. Он хотел её, и это желание было таким же сильным, как его требовательность на работе.

Он шептал ей что-то, но слова растворялись в темноте. Она слышала только интонацию: низкую, хриплую, интимную, как будто эти слова предназначались только для неё и для этой комнаты.

Его движения стали медленнее, глубже, и мир за окном исчез. Не было ни Питера, ни дождя, ни офиса. Только его дыхание на её коже, только тяжесть его тела, только ритм, который она задавала, а он подчинялся, и это подчинение сильного мужчины было головокружительнее любого прикосновения.

Она проснулась в момент, когда всё внутри неё взорвалось тихим, мягким светом. Сердце колотилось, тело горело, простыни спутались. За окном серел рассвет, первый трамвай прогремел по рельсам, и обычный мир возвращался, забирая с собой то, что было только что.

Арина лежала, глядя в потолок, и пыталась дышать ровно. Её тело ещё помнило его руки, его губы, его вес. Это был сон. Только сон. Но она впервые в жизни не могла сказать себе, что это «всего лишь» сон.

Она опоздала на работу на пятнадцать минут. Впервые.

Глава 7. После сна

Константин Львович заметил опоздание. Конечно, заметил. Он замечал всё. Но ничего не сказал, только поднял взгляд от монитора, когда она прошла мимо его кабинета, и смотрел ей вслед две секунды дольше, чем обычно.

Арина села за стол, раскрыла ноутбук и уткнулась в экран. Руки слегка дрожали. Она боялась, что он увидит это, подойдёт, спросит, и тогда она не сможет смотреть ему в глаза, потому что в этих глазах — серых, стальных, пронзительных — она каждую ночь видела то, чего не могла увидеть днём.

К обеду она почти справилась с собой. Почти. Но когда он проходил мимо, она уловила его запах — тот самый, из сна, чистый и острый, как зимний воздух, — и по телу прошла волна тепла, настолько явная, что ей пришлось схватиться за край стола.

«Это ненормально», — думала она. «Это просто сон. Это моя голова, а не он. Он ничего не знает. Он просто мой начальник. Строгий, холодный, требовательный. Всё».

Но в ту ночь сон пришёл снова.

Глава 8. Четвёртый сон

В этот раз всё было иначе.

Она снова оказалась в той комнате — тёмные стены, медовый свет торшера, низкий диван, — но теперь она была не жертвой, не наблюдателем. Она пришла сама.

Он стоял у окна, спиной к ней, и курил — дым поднимался тонкой спиралью и таял в тёмном потолке.

— Ты пришла, — сказал он, не оборачиваясь. И впервые не на «вы».

— Я пришла, — ответила она, и собственный голос показался ей чужим: ниже, увереннее, без привычной робости.

Он повернулся. В его глазах было то же любопытство, что и в прошлый раз, но теперь к нему добавилось что-то ещё: удивление. Будто он не ожидал, что она действительно придёт.

— Ты изменилась, — сказал он.

— Нет. Я просто перестала прятаться.

Он медленно улыбнулся, затушил сигарету и подошёл к ней. Не торопясь. Как хищник, который знает, что добыча никуда не денется.

— И что ты хочешь?

— Ты знаешь что.

— Скажи.

— Тебя.

Одно слово. Тихое, без дрожи. И от этого слова комната вокруг стала ещё темнее, ещё уже, будто стены сомкнулись, оставив место только для двоих.

Он подошёл вплотную. Его руки легли ей на талию — уверенно, собственнически, — и притянули к нему. Она почувствовала его тело: горячее, плотное, и его дыхание — на её губах, тёплое и нетерпеливое.

— Ты уверена? — прошептал он.

— Да.

Он поцеловал её. Не так, как в прошлый раз, — медленно, осторожно. Этот поцелуй был жадным, требовательным, как будто он сдерживался слишком долго и больше не мог. Его руки скользнули по её спине, нашли застёжку, и ткань упала с плеч, обнажая кожу, которая тут же покрылась мурашками от прохлады и от его прикосновений.

Она обхватила его за шею, запустила пальцы в волосы, притянула ближе. Его рот был настойчивым, горячим, и она отвечала тем же, впервые не боясь, впервые не дрожа.

Он расстегнул её юбку, и она шагнула из неё. Потом его руки скользнули по её бёдрам, поднялись выше, и она почувствовала, как её дыхание рвётся, как кровь пульсирует в висках и везде, куда он касался.

Он опустил её на диван, и на этот раз она не просто лежала — она притянула его к себе, обхватила ногами, и он застонал — тихо, сдержанно, но этот звук, этот мужской стон, пробрал её до костей.

Его губы на её шее, на ключицах, на груди. Его руки на её талии, на бёдрах, обхватывающие, властные. Его тело на её теле — тяжёлое, горячее, и каждое движение было уверенным, выверенным, как всё, что он делал в жизни.

Она запрокинула голову, и он целовал её горло, линию челюсти, мочку уха, и шептал — что-то неразборчивое, низкое, хриплое, и эти слова были важнее любых отчётов, любых цифр, любых правильных решений.

Она чувствовала его: его силу, его вес, его желание, и своё — которое больше не пугало, а освобождало. Она двигалась навстречу, задавала ритм, и он подчинялся, и в этом подчинении было столько доверия, что у неё перехватывало дыхание.

— Не останавливайся, — прошептала она.

— Я не собираюсь, — ответил он, и его голос был совсем другим: без холода, без дистанции, только хрип и тепло.

Мир сузился до ощущений. Его дыхание на её коже. Его руки, сжимающие её бёдра. Его губы на её губах, жадные и мягкие одновременно. Темнота вокруг стала бархатной, обволакивающей, и в этой темноте не было ни страха, ни стыда, ни тревоги — только двое, и тепло, и ритм, который становился всё быстрее, всё глубже.

Она закричала — тихо, сдавленно, в его плечо, — и он обхватил её крепче, и она чувствовала, как он тоже вздрагивает, как его дыхание срывается, как его тело напрягается и отпускает, и в этот момент они были одним существом, одной тишиной, одним выдохом.

Потом он лежал рядом, и она чувствовала его дыхание на своих волосах. Его рука лежала на её талии — не сжимая, просто касаясь, как будто подтверждал: я здесь.

— Ты знаешь, что это сон, — сказал он.

— Да.

— И что будет, когда ты проснёшься?

— Я приду на работу.

— И?

— И ты будешь моим начальником.

— Да.

Молчание.

— Но ты всё равно придёшь сюда снова, — сказал он. Не вопрос.

— Да, — ответила она.

И проснулась.

Глава 9. После четвёртой ночи

Утро было серым, обычным, петербургским. Дождь уже кончился, но небо висело низко, как мокрый потолок, и казалось, что воздух пахнет ржавчиной и водой.

Арина стояла перед зеркалом в ванной и смотрела на себя. Та же девушка: светлые волосы, очки, тонкая фигура, почти мальчишеская. Но в глазах, за стёклами, было что-то новое — не страх, не возбуждение, а решимость. Словно четыре ночи подряд кто-то учил её не прятаться, и она наконец выучила урок.

Она сняла очки. Протёрла их. Надела снова.

«Это сны, — сказала она себе. — Мои сны. Он не знает. Он не виноват. Он просто строгий начальник, который требует, чтобы работа была выполнена на отлично. А я просто женщина, которой снятся сны, от которых она не может отказаться».

Но когда она пришла в офис и увидела его — у кофемашины, в расстёгнутой рубашке, с кружкой в руке, — что-то внутри неё перевернулось. Не от страха. От узнавания. Она знала, как пахнет его кожа. Знала, как звучит его голос, когда он перестаёт быть начальником. Знала, каково это, когда его руки обхватывают её талию.

Конечно, знала она только во сне. Но тело не делало различий.

— Доброе утро, Арина, — сказал он, не оборачиваясь.

— Доброе утро, Константин Львович.

Он повернулся. Взгляд — серый, тяжёлый — скользнул по ней. Будто рентген. Будто он что-то увидел, чего не видел раньше.

— Новый парфюм? — спросил он.

— Нет, — ответила она, и сердце провалилось в живот.

— Странно, — сказал он, отхлебнув кофе. — Что-то изменилось.

И ушёл, оставив её одну с этим «что-то изменилось», которое звучало как приговор.

Глава 10. Тонкая грань

Арина начала замечать странную вещь: чем сильнее она старалась вести себя на работе как обычно, тем заметнее становилось, что она... изменилась. Она всё ещё носила те же строгие костюмы, собирала волосы в пучок, держала спину ровно, но в движениях появилась новая собранность — не напряжённая, как раньше, а уверенная. Будто она наконец перестала прятаться от самой себя.

В тот день Константин Львович собрал отдел на срочное совещание. Проект «Ладога» пошёл не по плану: клиент прислал правки, которые требовали полной пересборки модели, и времени было в обрез. В воздухе висело напряжение — кто-то нервно щёлкал ручкой, кто-то судорожно открывал вкладки, пытаясь найти нужные цифры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.